

3/11-84

СОВЕТЫ АЯ РОССИИ
г. Москва

1-3 ИЮН 1984

О духовных началах поэзии и жизни великого поэта размышляет Иннокентий Смоктуновский

Разгадывающая вечную тайну

...Мне не спится, нет огня:
Всюду мрак и сон донучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня...

Ленинской премии Иннокентием Смоктуновским, впервые выступившим в роли кинодраматурга.

— На экран, на театральные подмостки перенесены почти все болдинские произведения Пушкина. Созданы фильмы и о жизни поэта. О чем ваша новая работа, какой была цель?

— Мы хотели показать меру труда художника. Наш фильм о том, чего стоят великому, гениальному поэту минуты вдохновения. Чего стоили они Пушкину? Жизни... Жизни стоили, любви... Почему он в Болдинскую осень писал так здорово, как, может быть, никогда, ни до, ни после? Только потому, что любил — любил Натали, рвался к ней через 14 карантин, хотел вернуться в Москву и — не мог! Его не пускали: только он подъедет к одному карантину — его возвращают обратно, в Болдино... Вот «Бесы», стихотворение-стон, пиршество мрака. Только ли непогодой навеяно оно? Нет, вихрь был тогда, седьмого сентября, в душе человека, не знавшего наверняка, любим ли он, измученного непониманием, грубыми нападками властей и критики... А призрак смерти, в том или ином обличье предстает в маленьких трагедиях. — не оттого ли он явился поэту, что вокруг свирепствовала холера, что он был охвачен тревогой за любимую?

Все это вылилось в удивительный труд, 86 дней прекрасного труда, которые создали нашего Пушкина. Он и до этого писал великие вещи, но в Болдине он доказал всему миру, всем поколениям, кто он есть.

Мне в высшей степени по душе такой художник, которому не все просто дается. Ему не просто жить: женитьба, творчество, хотя порой кажется, что он творил играючи, были связаны для него с преодолением препятствий, трудностей, непонима-

ния... Когда мне бывает тяжело, я всегда вспоминаю Пушкина. И поэтому еще мне так дорог этот удивительный человек с огромным сердцем и с такой жаждой — нет, не о себе заявить, а доказать, что есть высоты вдохновения! Есть божество в искусстве! Есть любовь, есть Человек, человек с живой душой, — только надо очень-очень сильно захотеть, чтобы осознать это наверняка: Пушкин именно этим был занят в своей жизни. Общаясь с двором, царем, критиками, даже друзьями... Да, как это ни горько, даже друзья часто не понимали его — так далеко он опередил всех. «Они любить умеют только мертвых», — эти слова Бориса Годунова кажутся теперь пророческими.

И об этом тоже наш фильм. О страшном одиночестве поэта. О лихорадке вдохновения. О нравственных и философских раздумьях. О мучительных сомнениях — и светлой, детской радости жизни и любви...

СЪЕМКИ. Свечка нагорела. Мерцающий огонек дрожит о бронзовую вязь подсвечников, бликами пляшет на рукописях... Сгорбленная фигура за столом, голос усталого, измученного человека: «В одном из наших журналов сказано было, что седьмая глава «Евгения Онегина» не могла иметь никакого успеха, ибо наш век и Россия идут вперед, а стихотворец остается на прежнем месте...»

— Иннокентий Михайлович, в болдинском доме телезрители встретят героев пушкинских произведений, написанных там. Вы играете не только Пушкина, но и Моцарта, Сальери, Скупого рыцаря, Дон Гуана. Почему же вы «жаждали документальности», а не сняли, скажем, костюмированный фильм?

— Помните съемки? Я хотел надеть обручальное

кольцо — ведь Пушкин приехал в Болдино после помолвки — и по возможности обыгрывать его: крутить, нервно срывать... Но это перенесло бы нас в игровой кинематограф. А мы хотели как можно точнее восстановить события при помощи документов. Подойти к сути без творческого вымысла. А обыгрывать кольцо — значило уже придумывать... То, что я играю в фильме, нельзя назвать ролями. Это скорее намеки на конкретных пушкинских героев. Я не ставил задачи полного перевоплощения — это не нужно было, да и невозможно: ведь я везде снимался без грима.

— Иннокентий Михайлович, вы всю жизнь мечтали сыграть Пушкина. Считаете ли теперь, что мечта сбылась?

— Нет. Полного перевоплощения быть не могло — и тут уж виной не отсутствие грима. Я изучил все материалы о Пушкине, знаю их до сих пор наизусть, я люблю его мысли, его характер, но... Наверное, играть его мне уже поздно. Он погиб в 37 лет, он был молод, энергичен, необыкновенно деятелен, полон жажды жизни... Я не могу сказать, что я сейчас бездеятелен или не люблю жизнь, но каждый возраст очевидно, диктует свои параметры этих качеств и ощущений...

Наверное, поэтому не очень у меня убедителен поэт в его светлые минуты, в мгновения его почти детской радости: не получился ни ребенок, ни бог: не было одухотворенности, легкости. Не удался Моцарт. Зато образом Сальери я доволен. Была та самая священная, редкая минута истинного актерского творчества, когда мне удалось понять и оправдать этого пожившего, размышляющего о судьбе талантливого музыканта, который не мог дышать

спокойно оттого, что рядом творил бог — Моцарт. И к тому же я был почему-то зол на группу. И, видимо, злость помогла мне ощутить себя этим удивительно ранимым трагическим персонажем...

СЪЕМКИ. Что касается «злости на группу», случилось это так редко, что остается удивляться, как это режиссер сумел «поймать» мгновение, превратить его в «полезное время фильма». Понимали друг друга с полуслова. Без капризов, без упреков и раздражения.

— Болдино — святое место, — говорит в заключение Смоктуновский, — оно подарило столько прекрасных, сокровенных минут... Я был там и раньше. снимал «Медного всадника» и «Осень» читал для телевидения, но как-то спешно, всего за четыре дня... Осталось притяжение: очень давно хотелось вернуться в Болдино... Чтобы подойти к Пушкину. Ближе подойти, без всяких преград, и с душой открытой. Вдохнуть воздух, которым он дышал, пройти по той же земле... Те огромные деревья в парке — пусть они уже погибли, полуразрушены, но ведь они видели его! И тот самый шум крик пельих стай галок — пусть других галок — тоже ведь был тогда...

И правда, здесь, в Болдине, будто дышит по-иному. Кажется, самый воздух заключает в себе какую-то гайну, может быть ту самую, о которой Достоевский говорил: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и, бесспорно, внес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем». Фильм — еще один шаг к сути ее, один из бесконечного множества шагов, которые человечеству еще предстоит сделать на пути к Пушкину.

Н. ПЕТРЕНКО.